

Ник просил больше информации. Он просил Виннум прояснить, объяснить, дать ему некоторое представление о том, когда и где он встретится с Библиотекаршей, и из чего будет состоять это «образование», которое она обещала, но ответа он так и не получил.

Было неприятно, что он не смог выудить из неё ответ. Он подозревал, что она так упрямится только для того, чтобы подчеркнуть, что не он владеет ситуацией. Все, казалось, стремились контролировать людей вокруг себя. Ник согласился бы на контроль над собой.

Тем не менее, идея магии без арканума была увлекательной. Он не находил ни единого упоминания об этом ни в одной книге, но с чего бы это должно быть невозможным? Существование магии уже доказывало возможность невозможных событий.

Он вошёл в здание и направился к классу. Он опаздывал на курс Искусств, и мистер Перивинкл не будет этим доволен, но, по крайней мере, девушки тоже опоздают, и гнев мистера Перивинкла не будет направлен на него одного. Без их троицы будет отсутствовать половина класса.

Конечно, он задаст вопросы, но Ник был уверен, что сможет использовать Архимага в качестве оправдания. Мистер Перивинкл знал лучше кого бы то ни было, каким человеком был его босс.

Когда он вошёл в класс, Ник обнаружил, что его предположения были не такими точными, как можно было бы надеяться. Здесь были Бриллиард, Кэрол и Руми, а также Диззи и Симоль. Как они так быстро со всем управились и оказались здесь раньше него? Мало того, они переоделись и выглядели так, будто даже успели принять душ. Ник, напротив, был немного грязным и, вероятно, не так хорошо пахнул.

— Извините за опоздание, сэр.

Мистер Перивинкл, сидевший за своим столом, посмотрел на него прищуренными глазами. Его внешность подверглась незначительной, но заметной трансформации. Он побрился, а его светлые волосы были подстрижены в аккуратную, ровную причёску. Его гладкие щёки были красными и блестящими, из-за чего он выглядел удивительно молодым; даже торчащие из носа волоски были подстрижены.

Несмотря на новый свежий вид учителя, интенсивность его голубых глаз не уменьшилась. Во всяком случае, они были более интенсивными, чем когда-либо, и направлены на Ника.

— Вы ведь понимаете, что это не дополнительный урок?

— Да, сэр. Я извиняюсь, но Архи...

— Да, да, я уверен, что у вас есть очень веская причина для опоздания. Больше я этого не допущу. Вы должны приходить вовремя всякий раз, иначе будете исключены с курса. Вам есть ещё что сказать?

Перивинкл уже принял его извинения и отверг его попытку оправдаться. Ник не знал, чего ещё он ожидал от него.

— Э... Мне нравится ваша новая стрижка.

Он не хотел этого говорить, но это было единственное, что пришло ему в голову. Ему бы хотелось обвинить Виннум Роке в том, что она вложила в его рот такой глупый комментарий, несмотря на тревожный оттенок, который он несёт, но он знал, что во всём виновата только его собственная неловкость. Обычно он хорошо держался рядом с учителями, но конкретно этот нервировал его.

Интенсивный испытывающий взгляд мистера Перивинкла не отрывался от него, но одна глазная щель медленно увеличивалась, и рот расплылся в недавно побритых щеках, образуя глубокий хмурый взгляд.

— Комплимент, мистер Тутт? Вы меня со своей девушкой случайно не перепутали?

Ник неловко извивался. За его спиной раздалось хихиканье.

— Нет, сэр. Простите, сэр. У меня нет девушки. — Последнее предложение было совершенно ненужным, но его рот полностью предал его.

— Понятно. Как жаль. Вы таким способом пытаетесь пригласить меня на свидание?

Ник немного расслабился. Мистер Перивинкл дразнил его, что было замечательно. Как только он вдоволь понасмеяется над Ником, он продолжит урок. Ник без проблем сыграет роль козла отпущения, у него было много практики. Всё, что он должен сделать, — это держать рот на замке и терпеть.

— Нет, сэр. Если только вы не захотите. У меня, к сожалению, не так много денег, может, мы могли бы выпить по чашечке кофе в столовой. — Что его рот делает с ним?

— Понятно, — сказал мистер Перивинкл, не встревоженный тем, в каком направлении двигался разговор. — Как вы думаете, нам будет о чём поговорить?

— О да, сэр. Определённо. Я бы очень хотел поговорить с вами в менее формальной

обстановке. У меня много вопросов, и, я думаю, вы бы идеально подошли для ответа на них. Большинство людей просто дают мне расплывчатые ответы, которые ничего не значат, но я думаю...

Короткий, но настойчивый кашель оборвал Ника.

— Можем ли мы продолжить урок, сэръ? — спросила Диззи. Это был не совсем вопрос.

— Извините, — сказал Ник. Он быстро сел на ближайший стул. Он чувствовал, как её глаза буровят его затылок. Он также чувствовал веселье Симоль. Она, вероятно, будет безжалостно насмехаться над ним по поводу его признания учителю. Хотя нельзя было сказать, что его предложение отклонили.

— Да, давайте продолжим. Мистер Тутт, поскольку вы только что прибыли, возможно, это упражнение поможет вам наверстать упущенное. Что вы видите здесь, на этой доске?

Ник посмотрел мимо учителя на доску. На ней белым мелом была старательно нарисована диаграмма — шестиконечная звезда с другой, идентичной звездой поверх неё, повернутой на сорок пять градусов. Это было похоже на очень симметричный цветок.

— Двойные гексаграммы, наложенные, — сказал Ник.

— Мы не на уроке геометрии, мистер Тутт.

— Э-э... звезда?

— Верно. А если пристально на неё посмотреть?

Ник уставился на диаграмму. Выглядела она так же.

— Хм... о, немного похоже, что она движется.

— Хорошо, — сказал мистер Перивинкл. — Теперь сконцентрируйтесь. Заставьте звезду двигаться. Сначала отпустите, затем направляйте. Позвольте своему разуму мягко контролировать то, что вы видите.

После напряжённых физических нагрузок последних двадцати четырёх часов стало облегчением возможность расслабиться и позволить своему разуму бороться с таким простым упражнением. Ник позволил линиям на доске сместиться — оптическая иллюзия, которая на мгновение казалась реальной, — затем они вернулись назад в фиксированную, неподвижную форму, а затем стали двигаться в другом направлении.

Ник мысленно ухватился за спицы и двигал их с осознанным усилием. Звезда повернулась, вращаясь, как колесо. Она крутилась быстрее, вызывая у Ника удовлетворяющее чувство контроля. Звезда была под его контролем, по крайней мере, в его воображении. Это было на самом деле довольно успокаивающим.

— Что вы делаете? — спросил мистер Перивинкл, оба глаза были широко раскрыты, как блюдца.

Ник перевёл взгляд с доски на учителя, на лице которого был виден шок.

— Как вы это сделали? — потребовал ответа Перивинкл.

Ник посмотрел обратно на доску, где звезда до сих пор вращалась. Не в его воображении, по-настоящему. Нарисованный мелом контур вращался, что, кроме как магией, объяснить было нельзя.

Может быть, это то, о чём упоминала Виннум Роке, магия без арканума? Или она использовала его в качестве канала для работы и, наконец-то, смогла захватить контроль над его телом, что, по мнению Диззи, было неизбежно?

Насколько он мог судить, он всё ещё контролировал свои конечности, и он не чувствовал, как через него течёт сила. И даже если Виннум нашла способ использовать его в качестве своего проводника, зачем демонстрировать это сейчас?

— Это ты сделала? — пробормотал он про себя.

— Нет, — раздался вдали голос Виннум. — Здесь не я могу творить магию.

Ник обернулся и посмотрел на лица своих одноклассников. Все были поражены ещё сильнее, чем мистер Перивинкл. Все, кроме ухмыляющейся Симоль.

— Серьёзно? — сказал Ник.

Все повернулись, чтобы взглянуть на Симоль, одновременно осознав истинный источник магии.

Симоль разразилась смехом.

— Видели бы вы свои лица. Подумав, что он мог использовать магию, вы все чуть не сошли с ума. — Она хлопнула Диззи по плечу. Диззи весёлой не выглядела.

Ник повернулся к мистеру Перивинклу.

— Возможно ли творить магию без арканума?

Мистер Перивинкл — его удивление сошло на нет, когда источник трюка был раскрыт, а мир снова обрёл смысл — фыркнул воздухом через нос и снова обратил своё внимание на Ника.

— Возможно ли? Более чем вероятно. Кому-нибудь это удалось? Нет, насколько мне известно. Вы планируете произвести революцию в волшебном мире?

Правда была в том, что он не знал, но это прозвучит нелепо, как будто он рассматривает такой вариант.

— Нет, сэр. Я просто подумал, что это интересная идея. Поскольку существует способ обойти законы природы, возможно, это можно сделать несколькими способами.

— Да, — сказал мистер Перивинкл, — это определённо интересная мысль, и арканисты-теоретики рассматривают её с момента прибытия в Королевский колледж. Возможно, это будет вашей областью исследований — в конце концов, вы в какой-то степени прилежный молодой человек. Возможно, я упомяну о вас одному из мастеров в колледже. Мои собственные интересы лежат в прикладной области, но речь сейчас не об этом. Я очень устал от выходов вашего класса за сегодня, так что давайте попробуем что-то другое. Пожалуйста, достаньте ручки и немного бумаги.

Переход к необходимости что-то делать сломал атмосферу недоумения, которую сумел создать Ник, и шесть учеников подготовились к выполнению задания.

— Я хочу, чтобы вы посмотрели на звезду на доске и сдвинули свой разум так, как я вам показал, — мисс ван Дастан, если бы вы сейчас играли по правилам, я был бы очень признателен, — а затем я хочу, чтобы вы написали всё, что придёт вам в голову, независимо от того, насколько это бессмысленно. Давайте посмотрим, что мы можем придумать. — Он сложил руки вместе, соединив пальцы, — образ человека, ожидающего от них больших вещей, но сомневающегося в том, что они создадут.

Ник вздохнул с облегчением от того, что он хотя бы на какое-то время не был в центре внимания. До конца урока оставалось около получаса, и он был уверен, что сможет справиться с заданием, не вызвав ещё большего беспорядка или тревоги. А если он всё-таки что-то выкинет, то он всегда может перенаправить все обвинения в сторону Симоль. Это было бы очень правдоподобным объяснением.

Ник уставился на доску и позволил многоконечной звезде войти в его сознание. Она начала вращаться, но не в реалистичной (потому что она была реальной) манере. Она скорее пульсировала, нежели поворачивалась; точки менялись местами и входили и выходили из фокуса.

Он начал писать.

Ощущение было приятным, он словно плыл. Ничего особенного в голову не приходило, но он чувствовал, как ручка царапает бумагу. Будут ли каракули считаться за выполненное задание? Не похоже, что это был правильный ответ.

Его разум пуст, и он мог чувствовать звезду на доске, даже не видя её...

Когда он вернул своё внимание на этот мир, перед ним стоял мистер Перивинкл, глядевший в тетрадь Ника. Ник посмотрел вниз и увидел, что страница заполнена небольшим аккуратным текстом. Это был его почерк, но он не помнил, чтобы он это писал.

— Это было быстро, — сказал Ник. — Такое чувство, что я только начал.

— Колокол прозвенел двадцать минут назад, — сказал Брилл. — С тобой всё в порядке?

— Хм? Да, отлично. А что? Что-то не так?

— Ты много писал, — сказал Брилл. — Много.

Ник посмотрел на страницу. Сверху донизу она была исписана текстом. Он переворачивал страницы и обнаруживал всё больше и больше текста.

— Я написал всё это? Это всего лишь тарабарщина.

— Нет, — сказал Кэрол Рев, подняв свою тетрадь, — вот тарабарщина. — На странице были каракули и плохо составленные слова, которые налезали друг на друга.

— Почему бы вам не прочитать нам то, что вы написали, — сказал мистер Перивинкл со странной улыбкой на устах.

Ник посмотрел на первую строчку. Она была понятная и логичная.

Джира-Джейн Барден была низкоуровневым магом, минимально возможного уровня.

Он не писал этого, в этом он был уверен. Тогда кто? Виннум Роке? Да, была книга сказок, но Библиотекарша сказала ему, что их автором была не Виннум.

— Не думаю, что я должен. Я не знаю, о чём здесь написано.

— В этом весь смысл, — сказал Перивинкл. — Нечасто кому-то удаётся с первой попытки пробить свою сознательную стену к мыслям за её пределами.

Возможно, нечасто для других людей. Сознательную стену Ника пробивали слишком много раз, и редко это делал он сам. Чьи бы это ни были мысли, они могли иметь пагубный эффект, если прочесть их вслух.

— Не волнуйтесь, — сказал мистер Перивинкл, — это всего лишь слова.

— Давай, Ник, — сказала Диззи позади него. — Покажи нам, что ты скрываешь за стеной.

Все взгляды снова были устремлены на него. Вероятно, было бы лучше, по крайней мере, прочитать то, что он написал, прежде чем делиться этим с остальными, но такой возможности ему не дадут. Он начал читать.

◇□◇□◇

Джира-Джейн Барден была низкоуровневым магом, минимально возможного уровня.

Сомневаться в недостатке её навыков не приходилось. Она была таким бездарным волшебником, насколько это вообще возможно, оставаясь полноправным членом гильдии.

В её арсенале было всего три выученных заклинания.

Базовое заклинание света, которые было ничем не лучше дешёвого факела и светившего при этом в два раза меньше времени.

Способность обнаруживать ловушки, которая в большинстве мест имела множество ограничений и которая срабатывала только в пятидесяти процентов случаев (правда, она увеличила это значение до шестидесяти пяти, пофлиртовав с человеком из архивов гильдии).

И магическая стрела, которая может поразить любую цель, гарантированно, абсолютно без урона. То, как попадать в цель, было первым, чему вы учились. Наносимый урон — это то, что вы должны были наработать с помощью практики и опыта.

Когда другие авантюристы собирались, чтобы сформировать группы, её всегда игнорировали или отказывались её брать. Она будет только тормозить остальных или даже становится причиной ранений, не сумев справиться с возложенной на неё задачей. Джира-Джейн Бремя, вот как её называли.

Если она не могла пойти и использовать свои ничтожные навыки в реальном мире, как она может стать лучше до такой степени, чтобы люди считали, что её стоит брать с собой?

Она находилась в глупом положении — она была недостаточно хороша, чтобы быть полезной, но не могла стать лучше, потому что никто не хотел ей помогать.

Она была ничтожна, однако всё же обладала тем, что представляло ценность. Джера-Джейн была красивой девушкой. У неё было прекрасное лицо с безупречной кожей и сладострастное тело, которое заставляло мужчин поворачивать головы. Это было её единственное ценное качество, и оно было очень востребованным.

Ей бы хотелось, чтобы её приняли как мага, как авантюриста, как кого-то, готового учиться, но когда стало очевидно, что этого не произойдёт, её единственным выходом было использование того, что у неё было.

Это стало чем-то вроде игры. Она будет флиртовать и дразнить лидера группы, намекая на то, что она может быть открыта для романтических развлечений, если он возьмёт её с собой в его следующий поход, в то время как лидер группы попытается свратить её обещанием, что если она согласится с ним разделить постель, утром она может выиграть место в команде.

Она знала, что делает, и не гордилась собой, но какой у неё был выбор?

Иногда это срабатывало, и охмурённый авантюрист приглашал её на выполнение задания, думая, что она не может быть настолько плоха, как о ней все думают. Даже гражданским можно найти применение, так что тренированный маг как минимум должен быть на шаг впереди них.

Остальные члены отряда относились к ней с холодком, зная, как она добилась места. Женщины, в частности, давали понять, какого низкого они о ней мнения. Ничего страшного, она сама не высоко себя оценивала. Но она не могла позволить себе роскошь чувства собственного достоинства или гордости.

Как только она станет немного лучше, как только она сможет предложить что-то помимо красивого личика и соблазнительных изгибов тела, она станет женщиной с хорошими моральными нормами и высоким положением. До тех пор она будет стараться изо всех сил, чтобы не быть обузой.

Мужчины, которые позволили своему либидо управлять их головами, сожалели о своём решении, как только начиналось сражение. Джера-Джейн была настолько неопытна, что при первых признаках проблем паниковала и всё забывала.

Мало того, что она не могла использовать заклинания или защитить себя своим посохом, она всем мешала и причиняла лишние раны. Часто её отправляли домой. Время от времени её бросали в незнакомой ей глуши.

Иногда её процедура соблазнения срабатывала слишком хорошо и не в её пользу. Она просыпалась в пустой постели, а от бравого авантюриста, который обещал ей показать целый

мир, не было ни слуху, ни духу.

Отправившийся в поход со своими компетентными соратниками, недостаточно глупый, чтобы позволить зелёной неопытной девушке мешаться у всех под ногами. Были даже времена, когда ей приходилось оплачивать счёт за комнату в таверне.

Нельзя сказать, что Джирой-Джейн воспользовались. Это были brave, героические мужчины, которых она привлекала и которых она находила привлекательными. Она не чувствовала себя использованной или преданной — она была не менее виновата в двуличии, чем они, — но она чувствовала грусть и отчаяние. Не так она хотела прожить свою жизнь.

И вот однажды её город посетил Марнус Рольф.

Знаменитый авантюрист, мастер-волшебник, герой сотни сражений, потрясающе красивый и во всех отношениях лучший. Его подвиги стали мифами и легендами, и все они были правдой. Подписание книг были частью его пути.

Если Джирой-Джейн сможет убедить его взять её в ученики, он наверняка сможет обучить даже такого никчёмного помощника вроде неё.

Он был известен как бабник, как знаток красоты. Марнус Рольф ни отказался бы как от королевских принцесс, так и от девок из таверн, если они были достаточно хороши. А Джирой-Джейн, безусловно, была красавицей. На самом деле, это было всё, чем она была.

Она пошла в хорошую гостиницу, где остановился Марнус. В ней было полно поклонников и подхалимов, многие искали его милости, как и она.

Она не слишком старалась. Выбранная одежда подчёркивала её фигуру, но сохраняла некоторую тайну. Она несколько раз ловила его взгляд, но не заставила себя войти в его тесный круг. Она использовала все женские хитрости, которые накопила, которые ненавидела, которые заставляли её чувствовать, что она занималась совершенно другим родом деятельности. И она терпеливо ждала.

В конце вечера, когда она подумала, что потерпела неудачу, и подумывала о какой-нибудь безрассудной последней попытке, он предстал перед ней. Высокий, с седыми волосами, с аккуратно подстриженной козлиной бородкой, окружающей рот.

— Не хотели бы вы прийти ко мне комнату? — Он, по крайней мере, был прямолинейным.

— Да, — сказала Джирой-Джейн.

Она знала, что скорее всего это ни к чему не приведёт. В ней его не интересовало ничего, кроме её тела, и она подтолкнула его думать только в таком ключе.

В своей комнате он сказал:

— Сними одежду и ляг на кровать.

Что она собиралась делать? Притворяться оскорблённой? Настаивать на том, чтобы к ней относились с достоинством? Она расправила кровать. Она легла на неё.

Он, по крайней мере, был умелым любовником. Она боролась со слезами, со своим чувством потери. Это её единственный шанс произвести на него такое сильное впечатление, чтобы он не бросил её утром, как все остальные. Она изо всех сил старалась ответить на его страсть, вести себя так, будто она хотела быть здесь. Она знала, что этого будет недостаточно, но она отдала бы этому всю себя.

Он заснул, как только он закончил, и Джера-Джейн лежала в темноте, голая и замёрзшая. Он перетянул всё одеяло на себя.

Посреди ночи её разбудили его ищущие руки. Он не был удовлетворён, и она снова отдалась ему. Теперь она злилась. Злилась на себя за то, что была такой глупой, за то, что была такой беспомощной. Она боролась с ним — не для того, чтобы остановить его, но чтобы заставить его стараться сильнее. Если это была похоть и ничего более, пусть великий Марнус Рольф покажет ей, на что способна легенда. Она заставит его, отказываясь позволить его похоти затмить её. Они соревновались, кто доставит другого на более большие высоты экстаза.

Она уснула, как только она закончила.

Утром, когда первый свет проникал в комнату сквозь трепыхающиеся шторы, она потянулась к нему и начала прощальное соитие. Нежные и медленные, её поцелуи были легкими, а его — тёплыми. Теперь в них было что-то большее. Благодарность, возможно, нежность, если только это не было игрой её воображения, и то, что она не чувствовала долгое время, — любовь.

Любящий поцелуй был тем, чем стоит дорожить, поняла она.

Она ничего не ожидала от него. Она даже не просила его о помощи; в этом едва ли был смысл. Неловкий отказ только испортил бы уже горький вкус. По крайней мере, она провела ночь с гроем — сколько никчёмных женщин могли бы заявить такое?

Когда он встал, чтобы одеться, он выглядел старше. Его тело было мускулистым и в хорошей форме, но покрыто шрамами, как старыми, так и недавними. Она сидела на кровати, голая, наблюдая, как он уходит, желая, чтобы он запомнил её во всём её великолепии. Возможно, однажды он вспомнит её и пожалеет, что оставил её, пусть даже только из-за самых базовых и вульгарных причин. Эти причины, в конце концов, подходили ей лучше всего.

— Я тоже маг, — непроизвольно вырвались из её рта слова.

— Да, — сказал он, поворачиваясь и застёгивая рубашку. — Не очень сильный. — Его прямота не была недоброй, просто непоколебимой.

— Я пыталась стать лучше, но я не могу справиться с этим сама, и никто не хочет мне помочь. Они интересуются мной только по другим причинам, либо, когда понимают, как медленно я учусь, не хотят тратить на меня время и силы. Как думаете, могли бы вы... — О чём она собиралась попросить его? Об оплате? — ...дать мне какой-нибудь совет?

Это было разумно, не так ли? Просто подсказку, намёк. Указание от друга. В конце концов, он был настоящим волшебником. Он может знать пару полезных вещей.

— Хм. — Он оценил её проницательным взглядом. Она чувствовала себя ещё более голой. — Ты недостаточно стараешься. Ты ленива и легко отвлекаешься. Не думаю, что ты в самом деле хочешь стать лучше.

Оскорбления? Вот что она заслужила? Она прикусила язык. В его природе было быть до жестокого честным. Он рассказывал ей то, что видел.

— Возможно, вы правы, но никто никогда не пытался подтолкнуть меня, кроме как в постель.
— Она не хотела ни в чём его обвинять. Она не хотела пытаться заставить его чувствовать вину или стыд — в любом случае это бы не сработало.

— Понятно. Возможно, это является причиной твоего медленного развития. Позволь мне предложить тебе это.

Он научил её заклинанию. Оно было простым и довольно бесполезным, но она была способна ему научиться. Оно было смесью заклинания света и безвредной магической стрелы и создавало в воздухе три фигуры: шар, куб и пирамиду.

Они плавали в воздухе, едва заметные.

— Поддерживай их вот так. У меня есть кое-какие дела, но я вернусь до обеда. Тогда посмотрим.

Он ушёл.

Тогда посмотрим что? Он говорил, что она может быть его ученицей, если она пройдёт этот тест? Нет, он не сказал ничего подобного.

Тогда что?

А вернётся ли он вообще? Не оставил ли он глупую девчонку голышом на своей кровати и не

отправился ли навстречу следующему приключению, в следующее королевство?

Но нет, остальная часть его снаряжения и вещей были здесь.

Быть по сему. Она, по крайней мере, покажет ему, что она не лентяйка. Даже если это была какая-то шутка за её счёт, она сделает всё, что будет в её силах.

Когда он вернулся через несколько часов, она была такой же, какой он её оставил. Голая, потная, с тремя светящимися объектами, плавающими над ней. Они были более плотными и более стабильными. Её челюсть болела от того, что она сильно сжимала её. Она не чувствовала конечности. Её горло было ужасно сухим и саднило. Она отказалась дать иллюзиям пропасть.

— Хорошо, хорошо, — сказал он, раздеваясь. — Похоже, ты осваиваешь это. Давай посмотрим, насколько ты предана идее. — Он полз по кровати и осторожно толкнул её на спину. — Не отвлекайся.

Шутка, глупая выходка, не иначе. Но зачем? Она уже дала ему полностью использовать её тело ради его удовольствия. Что он получит от насмешек над ней?

Она сосредоточилась сильнее, когда он ласкал её тело. Она чувствовала, как контроль ускользает от неё, когда её разум пустел, но она держалась. Фигуры поворачивались и кружились в воздухе, мигая. Она заставила их вернуться к жизни и закричала, когда он безжалостно атаковал её слабые точки. Она думала, что сойдёт с ума, но продолжала цепляться, даже когда её тело сломалось и слёзы текли, она отказалась быть неудачницей. Беспольной, бездарной, недостойной, безнадёжной.

Он взял её, и она потеряла контроль — над своей задачей, над собой, над реальностью. Но фигуры не угасали и не умирали, они становились ярче, наполняя комнату цветом. Удовольствие и боль, текущие в неё, перетекли в магические объекты и поддерживали их без каких-либо усилий. Они были частью её. Она плакала от радости и ужаса, когда она задрожала и, наконец, успокоилась. Что с ней случилось?

— Кажется, у тебя есть талант, — сказал он, — просто он похоронен немного глубже, чем обычно. Тебе придётся выкопать его.

— С-с-спасибо вам, — выдавила она из себя.

— Нет, тебе спасибо. Я никогда не получал такого большого удовольствия от работы с учеником.

— Учеником?

— Я знаю сто одно заклинание, мисс Джера-Джейн. Я готов научить тебя сотне из них, если ты

со согласишься на мои условия. Полное послушание, непоколебимая преданность и предоставление себя для моего использования всякий раз, когда я прошу, ни в чём мне не отказывая. Это не честная сделка во всех отношениях.

— Я принимаю её, — сказала Джера-Джейн. Это было лучшее предложение, которое кто-либо когда-либо делал ей.

И вот так она стала ученицей великого Марнуса Рольфа. Люди видели их вместе и говорили: «Там Марнус Рольф со своей шлюхой».

А потом они говорили: «Там Марнус Рольф со своей женщиной».

И даже позже они будут говорить: «Там Марнус Рольф со своей женой».

Она не была ни одним из всего этого. Она была его ученицей, и она делала так, как он наставлял. И она выросла, став сильной и умелой в магии. И она выполняла свою половину сделки.

Иногда он ночью насиловал её, словно она принадлежала ему. А иногда она отчаянно цеплялась за него в предрассветные часы и отказывалась его отпускать. А порой они нежно обнимались по утрам, как старые друзья.

Прошли годы, и после того, как он научил её сотне заклинаний, она нашла его смертельно бледным в их постели, его глаза не были видны.

— Я умираю, — сказал он.

— Как я могу спасти тебя? — спросила она. Он был величайшим магом в мире, и она знала, что у него был ответ.

— Есть одно последнее заклинание. Это заклинание переноса. Оно позволяет великому и могущественному магу передать свою жизненную силу в тело другого, чтобы он мог продолжать жить.

И тогда она поняла, что он подготовил её к этой задаче за те многие года, что они были вместе. Она должна была стать эликсиром, который спасёт его жизнь. Он кормил её, заботился о ней, сделал её сильным магом, чтобы он мог вернуть эту мощь, когда ему будет нужно.

И ей было всё равно. Она несколько не была против.

Он показал ей мир, взял её в свои приключения, поднял её до своего уровня. Без него её жизнь была бы ужасной. Если он сейчас хотел забрать это, она будет рада угодить ему. Она бы ни в

чём ему не отказала.

— Ты понимаешь?

— Да, — сказала она.

— Ты согласна с передачей?

— Да, — сказала она. Она держала его за руку, и в её слезах не было ни сожаления, ни страха. Она закрыла глаза, и он произнес своё последнее заклинание.

Остатки его жизненной силы переместились из его тела в её, и он умер с удовлетворённым вздохом.

◇□◇□◇

Ник перевернул страницу, но она была пуста.

— Ой. Кажется, это конец. — Никто не ответил. — Я думаю, это было не так уж плохо. Вроде грустно, но мило. — Никто по-прежнему не говорил. Он посмотрел на задумчиво кивающего мистера Перивинкла, а затем назад.

Три девушки не выглядели очень счастливыми. Руми Кеттл выглядела так, словно плакала. Он знал её не очень хорошо, так что это было вполне возможно по целому ряду причин. Нижняя губа Симоль дрожала, что было странно.

Диззи, с другой стороны, выглядел сердитой. Её кулаки были сжаты, и она была готова ударить кого-то. Ник распознавал знаки слишком хорошо.

— Вам не понравилось? — спросил Ник. Брилл и Кэрол выглядели так, будто собирались что-то сказать, но не совсем понимали, что именно.

— Кто это написал? — спросила Диззи.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Ник. — Ты видела, я...

— Кто это был? Это была она? Она действительно такая злая?

— Ты не думаешь... я имею в виду, это ведь романтично, разве нет? — У Ника появилось ощущение, что он что-то упустил.

— Романтично? — спросила Диззи. — Ты думаешь, это было романтично? Это было предупреждение, Ник.

— Предупреждение? О чём?

— Вот так они придут за нами, — сказала Диззи, выплёвывая слова. — Недостаточно заставить нас отказаться от всего, мы должны сделать это добровольно и быть благодарными. Благодарными! Мы должны броситься в пламя с улыбкой. Ты ничего не понимаешь?

Ник считал себя довольно проницательным, но Диззи, казалось, видела то, чего не видел он.

— Но он пожертвовал собой в конце, ради неё.

— Это была ложь, — сказала Симоль очень тихим голосом. — Это была ложь, чтобы заставить тебя думать, что риск стоит того, чтобы пойти на него, даже если ты потерпишь неудачу. Ты можешь выиграть, но даже в случае провала нужно быть благодарным.

— Нас ведут на скотобойню, Ник, но сказав, что мы собираемся в домик в деревне. Будь благодарен за то, что могло бы быть. Будь благодарен!

— Я не думаю...

— Ты ничего не понимаешь.

Диззи встала и выбежала. Симоль отправилась за ней, и Руми, сопя, присоединилась к каравану.

— Я думаю, это было слишком, — сказал Кэрл.

— Я знаю, — сказал Брилл, подняв страницу, полную каракулей. — Магия ведь даже не работает так. Просто выдуманная история, верно, Ник? Они слишком глубоко копают в написанном. — Они вышли вместе, оставив Ника наедине с мистером Перивинклом.

Это было предупреждение? Очень странное, если так. Ник действительно хотел знать, кто это написал. Не Виннум Роке, он это чувствовал. Но в таком случае оставался лишь один человек, который мог вот так поместить эти слова в его голову.

Мистер Перивинкл сел за свой стол.

— Хорошо, хорошо. Я думаю, все мы сегодня что-то узнали. Я действительно отличный

учитель.

Ник подошёл к нему.

— Об этом свидании.

— Хм? Свидании?

— Я думаю, мы должны встретиться. Сегодня ночью. В комнате в верхней части библиотеки, я думаю, вы знаете, о какой я говорю.

— О? — сказал Перивинкл. — Ладно. Увидимся там, Ник.

Ник вышел из класса. Виннум сказала, что связалась с Библиотекаршей. Похоже, она никогда не уходила далеко от этой школы.

<http://tl.rulate.ru/book/4550/515379>